

Изучение регионального аспекта имеет особую важность, поскольку незначительная удаленность от Москвы, возможность быстрого проникновения столичных идей и настроений в среду «ближней провинции» также способствуют многофакторному научному анализу проблем Первой мировой войны.

Источники

- Государственный архив Тульской области. Ф. 3. Оп. 8. Д. 2273.
Прибавления к «Церковным ведомостям». 1915. № 12–13.
Тульские епархиальные ведомости (ТЕВ). 1914. 8 авг. № 30.
ТЕВ. 1914. 15–22 авг. № 31–32.
ТЕВ. 1914. 1–8 сент. № 33–34.
ТЕВ. 1914. 15 сент. № 35.
ТЕВ. 1914. 22 сент. № 36.
ТЕВ. 1914. 1 окт. № 37.
ТЕВ. 1914. 8 окт. № 38.
ТЕВ. 1915–1917.
ЦВ. 1914. № 30. С. 348

Военная пропаганда Русской православной церкви

*По материалам «Орловских епархиальных ведомостей»
в годы Первой мировой войны*

Церковная периодика является оригинальным источником по истории Первой мировой войны. Она освещает прежде всего такие малоизученные и малосвязанные между собой темы, как идеология участия России в войне и роль православной церкви в военных усилиях страны. Церковная проповедь была одним из наиболее доступных и массовых видов официальной военной пропаганды. Реконструировать ее содержание возможно на основе такого источника, как «Епархиальные ведомости». В Орловской областной публичной библиотеке им. И.А. Бунина хранится полный комплект номеров «Орловских епархиальных ведомостей» за весь дореволюционный период войны. Знакомство с ним позволяет составить разностороннее представление о взглядах духовенства на происходящие события.

Еженедельный журнал «Орловские епархиальные ведомости» издавался при Орловской духовной семинарии с 1865 года и был обязательным к выписке всеми приходами Орловской и Ливенской епархии. Церковная газета «Колокол» в статье «Эхо епархиальной жизни» (№ 2628 от 8 февраля 1915 г.), критикуя отсталость епархиальных изданий, в числе нескольких образцовых «Епархиальных ведомостей» называет и орловские, отмечая актуальность и практическую пользу их материалов: они «будят мысль епархиального духовенства, указывают ему меры к поднятию приходской жизни, миссионерской деятельности, зовут к трезвой жизни словом и делом».

«Орловские епархиальные ведомости» посвящали свои страницы не только частным религиозным вопросам, широко освещались темы просвещения, улучшения нравственных основ народ-

ной жизни, социального положения населения. Журнал регулярно предоставлял возможность выступить с заметками о различных проблемах деревенской жизни. До наших дней сохранил значение краеведческий материал, публиковавшийся в «Епархиальных ведомостях» членами Орловского церковного историко-архивного общества.

Редактором «Орловских епархиальных ведомостей» на протяжении многих лет был ректор Орловской духовной семинарии, митрофорный протоиерей Владимир Антонович Сахаров (в марте 1916 г. исполнялось 25 лет его служения в должности ректора), выборщик в Государственную думу от города Орла. Он же был и автором многочисленных публикаций. Другими постоянными авторами были преподаватель семинарии В. Азбукин и законоучитель 1-й Орловской мужской гимназии А. Бархатов. Основное публицистическое содержание «Орловских епархиальных ведомостей» составляют сочинения местных авторов. В единичных случаях «Епархиальные ведомости» помещали перепечатку материалов из других источников, показавшихся особенно полезными или интересными их редактору, например статью П. Струве из «Русской мысли». Уникальным курьезом выглядят размещенные в «Епархиальных ведомостях» предсказания французской прорицательницы госпожи Тэб, взятые из «Нового времени» [ОЕВ, 1914, с. 903].

Журнал состоял из двух отделов: официального и неофициального. Официальная часть содержала распоряжения Синода и епархиального начальства, календарь служб и расписание богослужений с участием епископа, объявления о вакантных местах и перемещениях церковнослужителей, проводимых благотворительных мероприятиях всероссийского масштаба.

Неофициальный отдел был призван обслуживать местные интересы, его содержание было довольно разнообразным. Предполагалось, что сельское духовенство, по ограниченности средств не выписывающее центральную прессу, сможет использовать материалы, размещенные в «Епархиальных ведомостях», в качестве основы для своих собственных проповедей [Кондратенко, 2008, с. 86]. Проповеди, произнесенные в церкви и затем опубликованные, отмечались особо. Сквозная нумерация страниц выпу-

сков «Орловских епархиальных ведомостей» за год, независимо в официальном и неофициальном отделах, указывает на то, что они должны были объединяться подписчиками в подшивки.

Публицистические материалы могли быть посвящены церковным праздникам или историческим событиям (Крещению Руси, Полтавской битве, событиям Смутного времени), «царским дням». Множество живых подробностей содержала хроника Высочайших посещений губернии. Например, при визите в.кн. Елизаветы Федоровны в приют для девочек-сирот из семей беженцев в Знаменском женском монастыре г. Ельца, пятилетняя малютка преподнесла гостье букетик незабудок, а Николай II, общаясь с народом на станции Брянск, подарил мальчику серебряные часы.

Со второго полугодия 1916 г. «Орловские епархиальные ведомости» выходят раз в две недели из-за вздорожания бумаги и увеличения платы за набор, а с марта 1917 г. – строеными номерами.

* * *

Накануне войны православная церковь России переживала состояние кризиса. Ее авторитет в обществе падал с каждым годом. Интеллигенция была «заражена» атеизмом, простой народ – хулиганством. Однако затем «грянул гром войны, и мы перекрестились», – вспоминал первые дни и месяцы мировой войны В.А. Сахаров [Сахаров, 1916, с. 11]. Массовая мобилизация, тревога за судьбу близких вызвали значительный рост посещаемости церквей. Православные иерархи восприняли это обстоятельство как начало возвращения общества к духовным ценностям. Говоря о необходимости живой проповеди для закрепления религиозного чувства, они указывали, что проповедь должна быть связана с повседневными человеческими переживаниями, должна разъяснять основы веры – содержательная военная пропаганда и агитация не упоминалась прямо в ряду ее задач, к которым относились укрепление духа, утешение и стимулирование благотворительности [Пастырская роль..., 1915, с. 715]. Тем не менее активизировавшаяся с началом войны религиозное чувство народной массы возлагало на священнослужителей особую ответственность: «...мысль

народная, встревоженная военной грозой, делается восприимчивой к призывам и толкованиям, суждениям и убеждениям. Осведомленные о происходящем относятся к нему сознательно» [ОЕВ, 1914, с. 778].

Поскольку каких-либо разъяснительных материалов, исходящих от центрального руководства, почти не появлялось, священники должны были давать свою трактовку событий, основанную на их сфере образования, потому в анализе преобладали не конкретно-политические, международные аспекты, а разнообразный спектр идей морально-нравственного круга.

Среди статей неофициальной части «Орловских епархиальных ведомостей» стали преобладать очерки, имевшие единый и единственный мотив своего создания – войну. Публицистические материалы были посвящены таким темам, как оценка целей войны и ее характера, взаимоотношений фронта и тыла. Цели «военной» проповеди были довольно диверсифицированы: она должна была знакомить прихожан с происходящими событиями и разъяснять их смысл; укреплять дух и утешать в минуту личного горя, поддерживая «общее бодрое настроение», а также стимулировать благотворительность. Церковная проповедь вносила свой заметный вклад в создание «образа врага» в массовом сознании, в развитие у призывников мотивации к участию в войне.

Для воодушевления призванной под знамена народной массы требовалось такое объяснение смысла войны, с которым согласился бы каждый. Но его трудно было сформулировать в рациональных категориях. Целевая и ценностно-смысловая структура участия России в войне была определена преимущественно в 1914 г. В ее основе лежали этические категории *славы, чести и долга*, подробно разрабатывался мотив *духовного подвига*, совершаемого воинами. Красной нитью проходит через работы разных авторов тема жертвенности, самоотречения, составляющих неотъемлемую часть христианского мировоззрения, а также подчиненности частных интересов великой исторической миссии России. Мобилизованные характеризуются как «уже не принадлежащие себе... но всецело отданные и сами отдающие себя Родине, охотно и мужественно жертвующие собою» [Азбукин, 1914, с. 39, с. 1012].

Уже в описании первой мобилизации встречается мысль о том, что никакие земные награды не соизмеримы в полной мере с совершившимся духовным подвигом самоотвержения.

* * *

С определенной точки зрения военная проповедь выглядит как пораженческая. Она не столько направлена на формирование патриотических мотивов мобилизационной активности разных групп населения, сколько эксплуатирует сложившиеся в массовом сознании концепты. Война изначально была воспринята народом как стихийное бедствие, время поста. Церковь также активно развивала тему войны как божьего наказания за грехи народа: «Отечество наше переживает тяжелые испытания великой и грозной войны, которая собой знаменует гнев божий на человечество и родину нашу. Прогневили мы Господа и Владыку своего и нужно нам, чадам Церкви Божией, сынам народа русского, многолюднее собираться и теснее объединяться в молитве и покаянии, чтобы общим нашим сердечным воплем умиловать Создателя», – взывал к своей пастве епископ Елецкий Павел [Павел, 1915, с. 570]. Военная гроза трактовалась как обстоятельство действия. Ее оценка как «ниспосланного испытания» придавала ей объективный, природный и потому безличный характер. В этом случае даже враг был не сильно виноват в развязывании войны: немцы уподоблялись библейским Гогу и Магогу, орудия божественной воли, не имеющие собственной материальной цели («Нас убеждают, что нынешние события создал “кайзер” из своего сумасшедшего честолюбия и властолюбия. Не слишком ли большая сила приписывается им; не слишком ли много значения придают личному человеческому ничтожеству, не преувеличивают ли движущие силы преходящих человеческих интересов?» [Азбукин, 1914, с. 47, с. 1210]). При этом в православной публицистике мотив войны-наказания интеллектуально обогащается, развиваясь в непосредственной связи с темой целей войны и трансформируется в образ войны как искупления: «Россия выступила как поборница правды, покровительница слабых, угнетаемых, и во имя этого должна принести на

алтарь войны *свою великую искупительную жертву*» [Бархатов, 1914, с. 863] (выд. авт.).

Обратим внимание на то, что жертва оценивалась и как искупительная («теперь Русь в потоках крови оmyвает свои преступления, что совершила она, уклоняясь от вековой исторической идеи своего существования» [Азбукин, 1915, с. 687]), и как залог будущего торжества («Все жертвы, приносимые нашей Родиной, служат одной великой цели – победе над врагом. Наша победа... даст нам долгий и прочный мир, сделает невозможным самоистребление христианских народов» [Поучение..., 1916, с. 486]). Таким образом, достижение победы над противником становилось ближайшей конкретной целью ведения войны, а мир оказывался наградой победителям (хотя ее же получали и побежденные).

По мере продолжения войны начинает складываться культ принесенных жертв. Новый глава Орловско-Ливенской епархии, назначенный в конце 1916 г., предписывал, чтобы во всех церквях епархии были заведены синодики, в которые внесены были бы для поминовения за богослужением в воскресные и праздничные дни и особо положенные для поминовения дни все убиенные в текущую войну прихожане по каждой церкви [Распоряжения..., 1916, с. 579]. С осени 1916 г. стали публиковаться краткие биографии выпускников семинарии, погибших на фронте, с подробностями их гибели. Указывалось, что «типы героев должны быть особенно внедряемы в юное сознание будущих защитников Родины» [Что может..., 1915, С. 38], для чего преподавателям Закона Божьего в учебных заведениях рекомендовалось провозглашать «вечную память» павшим героям с разъяснением их подвигов. Мы видим, что смерть почти отождествляется с подвигом.

Жертвенная миссия русского солдата раскрывалась через тему морально-нравственного обновления европейской цивилизации: «Война получает значение какой-то благодатной силы, толкающей Русь к великому делу, навстречу к ее высокому мировому призванию» [Исторические..., 1914, с. 805]. Под этим «великим делом» подразумевалось переустройство жизни западной, а возможно и всей мировой цивилизации. В основу такой трансформации предлагалось положить ценности русского православия:

«Современная война должна начать новую эру в жизни народов; она нелюбезно подводит итоги культуры и громко свидетельствует о том, что счастье человечества – не в одной науке, не в одной силе или искусстве» [Бархатов, 1915, с. 658–659]. Конструируя образ врага, противостоящего православному воинству, церковная публицистика акцентирует рационализм и материализм германской (и всей западноевропейской) цивилизации. Подчеркивается, что жестокость и размах войны являются следствием немецкой расчетливости и слепой веры во всемогущество технического прогресса: «После Лютера христианская вера постепенно стала угасать в сердцах его последователей; вместо живой, деятельной веры выступает холодный разум, бездушные и биржевой расчет. И вот перед нами естественные плоды немецкой веры» [Там же]. Горделивому «сверхчеловеческому» и в итоге человеконенавистническому ницшеанству последовательно противопоставляется христианское смирение. В итоге две противоборствующие стороны – русские и немцы – предстают в образе волков и овец, вот только последние всегда пассивны и всегда жертвы.

Превозношение «незлюбивых душ», их морального превосходства над машиной механизированной войны приводило порой к неожиданным эффектам: «Мощь народная, сила духовная, сметливость, выносливость, терпение, смиренное сознание посещения Божия отлично заменяет нам преимущества немецкой техники» [Ключев, 1915, с. 91]; «С нами Бог, и Он не в силе, а в правде. Враг на колесницах и на конях, он на цепелинах и с удушающими газами, и с разрывными пулями; а мы – главным образом с упованием на милость Божию, на заступничество Царицы Небесной и святых угодников, наших молитвенников и скорых помощников» [Бархатов, 1915, с. 658–659]. С одной стороны, тезис о покровительстве высших сил выглядит естественным в свете декларируемого ценностно-целевого содержания войны («Великая цель войны – показать, что право и правда выше силы» [Ивановский, 1915, с. 425]). Оправдана и попытка использовать представление о божественном заступничестве в период военных поражений (Великое отступление 1915 г.). Начальный период войны выявил отставание русской армии в технике и обеспеченности боеприпасами («снарядный го-

лод»)), которое на первых порах могло быть компенсировано только идеологическими средствами. С другой стороны, противопоставление удушающих газов и разрывных пуль эфемерному заступничеству Царицы Небесной, прямое утверждение, что «орудия нашего воинствования не плотские, но духовные» вряд ли были способны воодушевить подлежащих призыву в армию. Вплоть до 1917 г. даже в отношении союзников сохраняется дихотомия «русского» и «западного» как противопоставление материального и духовного: «Бесконечной живой стеною протянулся от моря до моря русский фронт. Силою стали и железа стоят на Западе англичане и французы» [К-ов, 1917, с. 3].

* * *

В последние годы существования Российской империи православие продолжало оставаться важной частью народного самосознания и государственной идеологии, так же как и православная церковь – важным элементом механизма государственного управления. Следует признать, что церковно-православный взгляд на природу войны воздействовал на формирование ценностных ориентаций массы прихожан и становился одним из факторов, определяющих их социальную активность. Первоначально приходские священники видели свою задачу в укреплении стихийного подъема религиозности народной массы, но довольно скоро была осознана необходимость использовать проповедь как средство собственно военной пропаганды и агитации.

В провинциальной православной публицистике создавалась особая, по-своему целостная и оригинальная трактовка Великой Европейской войны. Если в первые месяцы войны, начавшейся на подъеме славянской солидарности, она рассматривалась как *путь к цели* (освобождению славянства от германизма и его консолидации под российской эгидой), то довольно скоро возникает и получает преобладание тема *войны как переживания*. Последовательное обращение к конкретным целям войны, ввиду их неопределенности на официальном уровне и трудности их достижения, было редким. Очевидно, они не могли служить побудительным мотивом для мобилизационной активности населения. По прошествии трех меся-

цев войны уже не встречается упоминаний о сербах и братской помощи славянам. Война получает внутренний смысл как средство подъема народного духа. После Великого отступления война превратилась в самоценный процесс, а место конкретных целей заняла абстрактно-эмоциональная категория Победы.

Оценивая воздействие церковной пропаганды на формирование мотивации к участию в войне и веры в победу у новобранцев и запасных, ожидающих своей очереди призыва, следует признать, что религиозная трактовка причин и характера войны в целом не способствовала сохранению настроений патриотического подъема. Даже апелляция к поддержке высших сил: «Сильные Богом, им ниспровергаем замыслы и всякое превозношение наших врагов, взимающееся на разум Божий, им разрушаются твердыни (2 Кор 10, 4)» оборачивалась на деле признанием технического отставания от противника. Акцент делался на идее самопожертвования, на теме искупительных страданий и смерти, делающей павшего героем. Круг «священных жертв» сознательно расширялся церковью: на вопрос прихожан о том, как молиться о без вести пропавших, прямо давался совет молиться за упокой [ОЕВ, 1916, с. 826]. Закономерно, что в следующем номере (неофициальный отдел) помещались молитвы о помощи ангелов на поле брани.

Можно прийти к выводу, что военная пропаганда Русской православной церкви, по форме наиболее доступная для большинства населения страны, по своему содержанию не являлась эффективным инструментом мобилизационной политики. Содержание церковной проповеди складывалось стихийно и не было подчинено задачам государственного управления. Игнорирование государством идеологической составляющей ведения войны сужало разнообразие управленческих механизмов и по мере ее продолжения приводило к нарастанию отчуждения народа от власти.

Литература

Азбукин В. Бога глас воззвал... // Орловские епархиальные ведомости (ОЕВ), неоф. отд. 1914 г. С. 47, 1210.

Азбукин В. Незаметные герои // ОЕВ, неоф. отд. 1914 г. С. 39, 1012.

Азбукин В. По поводу 900-летия кончины св. равноапостольного князя Владимира Киевского // ОЕВ, неоф. отд. 1915 г. С. 29, 687.

Бархатов А. Речь перед началом учения в Орловской 1-й гимназии // ОЕВ, неоф. отд. 1914 г. С. 34, 863.

Бархатов А. Слово в день Полтавской победы // ОЕВ, неоф. отд. 1915 г. С. 27–28, 656–659.

Ивановский К. Война, ее причины и цели // ОЕВ, неоф. отд. 1915 г. С. 17, 425.

Исторические дни (редакционная статья) // ОЕВ, неоф. отд. 1914 г. С. 32, 805.

Ключев А. Две культуры // ОЕВ, неоф. отд. 1915 г. С. 4, 91.

Кондратенко А.И. Два века как один день: Страницы истории орловской журналистики. Орел, 2008. 504 с. С. 86.

К-ов Н. 1-го Января 1917 г. // ОЕВ, неоф. отд. 1917 г. С. 1–3.

Орловские Епархиальные ведомости, официальный отдел. 1914 г. № 31. С. 778.

Орловские Епархиальные ведомости, официальный отдел. 1914 г. № 35. С. 903.

Орловские Епархиальные ведомости, неоф. отд. (без автора) 1916 г. № 42–43. С. 826.

Павел, еп. Елецкий. Слово по случаю 500-летия явления чудотворной иконы святителя Николая // ОЕВ, неоф. отд. 1915 г. № 23. С. 570.

Пастырская роль духовенства в условиях войны (без автора) // ОЕВ, неоф. отд. 1915 г. № 31. С. 715.

Поучение на день Рождения Государыни Императрицы Марии Феодоровны (без автора) // ОЕВ, неоф. отд. 1916 г. № 44–45. С. 486.

Распоряжение епархиального начальства // ОЕВ, официальный отдел. 1916 г. № 50–51. С. 579.

Сахаров В.А. Слово в день Нового года // «Орловские епархиальные ведомости», неоф. отд. 1916 г. № 1. С. 11.

Что может законоучитель в настоящее время в школе (без автора) // ОЕВ, неоф. отд. 1915 г. № 2 С. 38.

ПРЕССА И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ